

Проснулся. Холодный каменный потолок, как обычно, встречал меня потрескавшейся грязной штукатуркой. Почти целый год я просыпался на этой кровати, в этой комнате, в этом приюте. Жизнь здесь непростая, особенно для тех, кто не смог влиться в коллектив, но сегодня не время рефлексировать над этим.

Я поднялся и подошел к зеркалу. Из него на меня смотрел мальчик: черные вьющиеся волосы до плеч, карие глаза, худоватое лицо с чуть заостренным подбородком. Лишь одна вещь уродовала детское лицо — длинный вертикальный шрам. Взяв веревочку, я завязал кипу своих волос в хвост и начал одеваться. Белая рубаша по моему размеру, черные штаны и ботинки — вот и вся красота.

Еще один человек вставал с кровати, сонно потирая глаза. Свел поежился от холода и начал неловко натягивать на себя помятую одежду.

— Доброе утро, терпила, — произнес он сонным голосом. — Сегодня все в силе?

— Конечно. Выдвигаемся после завтрака, — схватив со стола книжку, я покинул общежитие.

Восходящая Альди возвещала о новом дне. Яркие лучи светила падали на церковные шпили, отражаясь от них и разлетаясь во все стороны десятками лучиков поменьше. Редкие молочные облачка лениво плавали по небу, дразня людей своей беззаботностью. Ранние пташки весело чирикали в укрытии пышной зелени деревьев. Хороший день раннего лета.

Минуя послушников, занятых утренними заботами, я добежал до библиотеки. Железная ручка никак не хотела поддаваться моим усилиям. Закрыто.

— Влад, что вы здесь делаете таким ранним утром? — знакомый успокаивающий голос раздался за моей спиной. Мой учитель поглаживал свою редкую козлиную бородку. Он всегда так делает, когда удивлен. Вместе с ним стоял еще один человек, личность которого не была мне известна.

— Я искал вас, старший. Можно мне пропустить сегодня занятие, пожалуйста? Я даже полностью прочитал «Легенды первого дня», — от вида, переминающегося меня с щенячьим взглядом, мой учитель лишь рассмеялся.

— Вы не должны спрашивать меня. Тем более я никогда не ставил вам занятия. Это вы ежедневно прибегаете ко мне в одно и то же время.

— Да, но, — мне было бы стыдно не прийти, не получив согласия учителя. — Можно?

— Конечно, — согласился он, забирая книгу из рук. — Но ждать ли вас завтра?

— Конечно, — вторил я учителю на развороте. — До свидания.

После ухода мальчика, второй человек не удержался и спросил библиотекаря:

— Учитель, это тот мальчик, из-за которого вы перевернули все собрание вверх дном?

— Я тебе не учитель! — возмутился библиотекарь. — Иди и приступай к своим обязанностям. Будто мне неизвестно зачем тебя послали в библиотеку!

— Да, старший, — низко поклонился уже не молодой, но и не достигших преклонных лет мужчина.

Я со Светом завтракал. В столовой царил шум. Дети обсуждали миллионы своих житейских мелочей, но мы предпочитали обособляться от всех, занимая место в углу стола. Почему?

После того, как Саймон отстал от меня, остальные сироты снова попытались общаться со мной. Было противно видеть, как они, понуро бегая глазами, извиняются за все свои издевательства и сквернословия. Я простил всех, но больше не желал сближаться ни с кем из них. После того, как они показали свои истинные лица, было невозможно увидеть в них верных ребят.

А Свет теперь предпочитал сидеть со мной. „Ты теперь местный герой, и каждый из этих дураков хочет подмазаться к тебе. Они считают, что путь к твоему сердечку лежит через меня, а потому в поисках спокойствия я буду рядом с тобой“, — с этими словами Свет впервые подсел ко мне в столовой. А я был не против, так что теперь сидел не один.

Сегодня особенный день. День рождения Далви. За этот год мы сблизились. Девочки помогали врачам в лазарете, а я был там частым гостем. Неприятно вспоминать, как эти недотроги охали и с отвращением отворачивались при виде моей изуродованной шрамами груди. А Далви... она просто говорила лечь и принималась обрабатывать мои гематомы и ссадины. В такие моменты на сердце становилось теплее.

Слово за словом мы узнавали друг друга получше. Интересы, мелкие проблемы, цели и мечты. Рассказывать о своих побоях и мучениях я не хотел, а она и не спрашивала, думаю ей это было и так это понятно из-за моих посещений. Помню, когда узнал о дате ее дня рождения, первое, что я сделал, придя домой — записал это число в тетрадь на обложку. И вот день рождения наконец-то настал.

Свет решил пойти со мной по такой-же прозаической причине. Сказал, что ему нравится одна девочка и он хочет сделать ей подарок. Кто она такая, я не знал. Покончив с завтраком и взяв деньги, мы двинулись к главному выходу из прихода. На уроки ни мне ни Свету идти не надо. Мой учитель освободил меня от регулярных занятий, ссылаясь на то, что я уже и так опередил своих сверстников. А Свет обогнал их еще до того, как я поселился в монастыре. Интересно, какой у него интеллект?

Центральный выход располагался прямо перед лицевой частью собора. Отдав страшному стражнику записки с разрешением покинуть приют, мы вышли на улицы Аркена.

Жизнь кипела. Ленивые лошади тащили груженные повозки, тесня людей по бокам. А те, как муравьи бежали по своим делам. Мужики, мальчишки-почтальоны, бойкие торгоши.

Суетливая дневная жизнь города, подобно волнам накатила на нас и мы, как кораблики в море, поплыли к точке нашего путешествия.

Рынок — торговое сердце города. Нестройные ряды прилавков со всем чего может пожелать душа: продукты, одежда, утварь. Со зданий свисали таблички гильдий: кузнецов, гончаров, ювелиров и других. И среди всех возвышалась гильдия купцов.

— Ты уже придумал, что хочешь подарить? — вырвал меня Свел из созерцания потрясающего вида.

— Да. У меня есть одна идея. А у тебя как?

— Не знаю. Давай сначала купим твое, а потом поищем мне? — предложил Свел.

— Согласен. Пойдем, здесь недалеко, — с этими словами я потащил друга за собой.

Протискиваясь между взрослыми, мы уходили вглубь рынка пока не подошли к одной из лавок. На ней стояла неброская деревянная посуда: тарелки, ложки, стаканы разных размеров. Продавец — обросший неровной бородой мужчина сидел на маленьком стуле и что-то вырезал из деревянного бруска.

— Уважаемый, можно ли вас отвлечь? — перебивая шум толпы, позвал я резчика.

— Тарелки по десять кони, ложки за пять, чашки за шесть, — не отрываясь от своего занятия прохрипел он.

— Извините, но мне не нужна посуда. Не могли бы вы вырезать для меня кое-что?

— М? — резчик поднял свою голову. — И что тебе нужно, мальчик?

— Фигурку женщины. Вот такого размера, — показал я отцовскую фигурку воина.

— Сходи в гильдию скульпторов, мальчик. Там тебе сделают красивую фигурку. Это не вырезать простую посуду, — потеряв какой-либо интерес, он снова принялся за работу.

— Но у меня не хватит денег. И я видел, как вы вырезаете разные фигурки. Мне нравится.

— Ты что следил за мной, паршивец?! — подошел он к прилавку. — Ладно, давай пять кони. Будет тебе фигурка женщины.

— У меня только дулон, — с этими словами я протянул ему серебряную монету. А торгаш лишь почесал свои немытые волосы.

— Тогда давай я поработаю над фигуркой воина, — тыкнул он в работу отца. — Сразу видно тот мастер резца в руках не держал ни разу в жизни.

— А вы не испортите? — взглянув на грубые очертания рук и бесформенной головы, я не мог спорить со словами мужчины.

— Обещаю тебе малыш. Иначе я верну тебе деньги, — ударил себя по груди продавец посуды.

— Ну... хорошо. Только будьте аккуратны.

Отдав дулон и фигурку воина, я со Светом принялся смотреть на работу мастера. Резец в огрубевших руках атаковал деревянный брусок. Срез за срезом появлялись человеческие черты. Талия, голова, руки, ноги. Медленно, но верно прямо на наших глаза кусок дерева превращался в прекрасную женщину.

Ее ореховые волосы мягко ниспадали на узкие плечи. А осиная талия красиво гармонировала с платьем, укрывающее ее длинные ноги. Руки этой женщины навечно застыли на груди.

Смотря на нее, я чувствовал необъяснимую тоску. Будто что-то дорогое покидает ее, а она не в силах это предотвратить, лишь сжимает свое сердце. Лицо женщины получилось грубым. Нет, оно не было отвратным, но и красивым я его не назову. Закончив с ней, мастер принялся за фигурку воина.

Из нечетких черт бравого бойца начала выступать броня, окутывая воина стальной стеной. Только голова оставалась открытой. На перчатках появились неловкие очертания пальцев. Два клинка, покоящихся с одной стороны пояса остались практически не тронуты. Мастер выровнял только их рукоятки.

— Готово. Одна из лучших моих работ, заявляю честно, — поставил он на прилавок фигурки мужчины и женщины.

Картина сложилась полностью. Любящая жена, сложив руки на груди, провожала своего любимого. Куда он уходит, надолго, вернется ли он? Все ее естество выражало эти мысли. А муж, выпрямив спину и сжав руку на клинке, покидал ее. Его сердце остается рядом с ней, но от этого уходить только сложнее. И поэтому он не поворачивался и смотрел куда-то вдаль.

Боялся, что если обернется, то не сможет уйти.

— Неплохо. Зря вы тут, мастер, тарелки делаете, — прокомментировал работу Свел. — А тебе как, Влад?

— Это очень красиво. Спасибо вам, старший, — поклонился я в пояс бородатому мужику, который своей работой тронул мое сердце.

— Ох, прекрати парень. Обращайся в будущем, — потеряв переносицу, ответил засмущавшийся торговец.

— Тебе подарок нашли. Пойдем теперь искать мой, — не давая мне погрузиться в размышления, Свел потащил меня к другим прилавкам.

Мне казалось, что мы исследовали весь рынок. Свел был особенно придирчив. Он не покупал то, что ему понравилось, лишь просил отложить на несколько часов. Но в итоге остановил свой выбор на голубой ленте. Портной запросил за нее два дулона, но Свел, не скупясь заплатил, аргументируя свой выбор качеством ткани.

Когда мы вышли с рынка, Альди уходила со своего зенита. Свел предложил немного прогуляться. Обед уже все равно пропущен. Я был только за. Однообразная жизнь в стенах приюта надоедала и вдохнуть жизни города было в радость таким детям как мы. Но обратный путь не прошел спокойно. Идя мимо небольшой улочки, мы увидели следующую сцену.

Каменную плиту канализации выбили изнутри! И оттуда выбрался странный воин. На дрожащих ногах, он поспешно задвинул люк и распластался прямо на улице. Внешний вид ужасал. Он будто вылез из кровавого бассейна. Из всех щелей в погнутых доспехах сочилась кровь. Но мой взгляд зацепился за одну вещь. На его искореженном нагруднике был символ церкви.

Люди почему-то уходили с места происшествия. Почему? Разве они не должны помочь воину ордена?

— Тц, мусор, — сплюнул на землю, Свел. — Влад, побежали. Надо сообщить кому-нибудь в церкви.

— Ага, пошли. Стой, подожди секунду, — я подбежал к неизвестному воину. — Старший, не уходите. Я позову на помощь!